

А.С. Барабаш
Юридический институт
Сибирского федерального
университета. г. Красноярск

Не хочу, чтобы «получилось как всегда»

В название я вынес часть афоризма известного нашего современника Виктора Степановича Черномырдина. В нем ему, как никому другому, удалось выразить не только суть происходящего в России, но и суть человека русского. Он всегда хочет сделать как лучше, но получается как всегда, а то и хуже. Всем давно известно, что благими намерениями ... Но мы с маниакальным упорством наступаем на одни и те же грабли: создаем проблемы, а потом прилагаем героические усилия для их преодоления. В 90-х годах кому только и где не разрешали создание юридических факультетов. Основной критерий – отсутствие всякого критерия, было бы желание у создающего. Это основной корень теперешних проблем в юридическом образовании. Уже не раз писалось о том, к чему это привело¹. Сейчас же в общественном сознании формируется миф, что в нашей стране перепроизводство юристов. Вероятно, это делается для того, чтобы общественное мнение спокойно отнеслось к процессу массового сокращения юридических образовательных учреждений. Перепроизводство юристов - миф в силу того, что как раньше, так и теперь, испытывается острый дефицит профессиональных юридических кадров, но вот людей с дипломами юриста больше чем достаточно. Какой же из этого видится выход? Закрыть те вузы, которые не соответствуют определенным критериям. Каким? Согласно распространенному мнению учебные заведения должны оцениваться в первую очередь по формальным критериям: достаточности учебных помещений в институте, наличие библиотеки, количеству штатных преподавателей, выполнению учебного плана. При нарушении установленных норм вуз не должен пройти аттестацию. При оценке по формальным критериям нет необходимости анализировать качество подготовки, выявить и сопоставить их может любой чиновник.

Применение формальных критериев для решения вопроса об аккредитации приведет к тому, что юридическое образование останется только в столицах. Там и материальная база, как правило, лучше, с библиотеками нет проблем, а уж об остепененности и штатности и говорить не приходится. Те, кто изнутри наблюдал, каким образом строится образовательный процесс в этих вузах, а я отношусь к их числу,

¹ См., например: Марченко М.Н. Проблемы качества юридического образования в современной России // Аккредитация в образовании. 2008. № 23. С. 10-11.

имеют возможность сделать вывод, что ни библиотека, ни процент остепененности и т.п. не гарантируют автоматически качества выпускаемого продукта. А об остепененности отдельный разговор. Хотя и считается, что у нас мало докторов и кандидатов юридических наук на число студентов (один доктор на 210,4 студента, один кандидат на 53,8), полагаю – лучше бы было еще меньше. Качество тех, кто «остепенился» с момента перестройки, во многих случаях желает лучшего. Но, как правило, слабые исследователи и такие же преподаватели обладают иными способностями, которые позволяют им «зацепиться» в столице и со временем сделать там карьеру. Есть и другая, но гораздо меньшая категория талантливых людей, которые не цепляются за столицы, столицы в них нуждаются, вузы создают им соответствующие условия, а периферия теряет того, кто мог бы стать ее гордостью. Не следует понимать сказанное так, что за пределами столиц нет достойных ученых и преподавателей. Но зачем их так много Москве и Питеру? В нашем вузе существует практика приглашения визит-профессоров из столиц. Зачастую их уровень и уровень отдельных профессоров, работающих в вузе, одинаков, но визит-профессору за ту же работу платят в несколько раз больше. Речь не идет о социальной несправедливости, но осадок у местной профессуры остается. При появлении возможности не исключено, что кто-то из них переберется в столицу.

Сколько же юридических вузов должно остаться? Называются цифры в районе ста. Сколько в Москве и Питере вузов готовит юристов – такими данными я не располагаю, но вполне допускаю, что их число сопоставимо с предлагаемой цифрой. Ну, если у некоторых из них есть проблемы со штатными преподавателями и остепененностью их – достаточно бросить клич и проблема будет снята. А как быть с остальной Россией? Какие научные выкладки лежат под выше названной цифрой? Мне они, к сожалению не известны.

Полагаю, что вопрос о сокращении вузов, готовящих юристов, нельзя решать формально. Необходимо учитывать перспективы экономического развития региона, связанные с этим социальные процессы и многое другое. Должно быть научно обоснованное представление о том, сколько потребуется юристов, например для Красноярского края, исходя из объявленных перспектив его развития. И так с каждым регионом. А то ведь может случиться – отрежем, да не там. А сколько потом придется приложить усилий для восстановления утраченного. Если есть у региона будущее и есть там юридический факультет, который не соответствует формальным критериям, то дело тех, кто заинтересован в развитии региона, создать условия для соответствия. Как? У царской власти были свои способы освоения Сибири, у советской – свои. Должны они быть и у современной. Сделайте жизнь, быт, условия труда и оплату на периферии привлекательной и, возможно, не будут ученые уезжать в столицу, а

станут возвращаться из нее. Если же такого желания у них не возникнет – следует оставить в Москве три лучших вуза, готовящих юристов, остальным отказать в аккредитации и проблема с кадрами на периферии будет решена². Таким образом можно перевыполнить, если он существует, план по академической мобильности. После решения этой проблемы можно будет проводить аккредитацию по качественным показателям.

Проблема качества юридического образования возникла не вчера, но наиболее интенсивно стала обсуждаться в последнее время. Возникает вопрос – почему? Гром грянул. В этом году мы достигнем дна демографической ямы. Так может быть не стоит суетиться? Предложение превысит спрос или окажется ему равным, и заработают законы рынка. Федеральной службе по надзору в сфере образования и науки останется только запросить из учебных заведений данные о соотношении числа преподавателей и студентов, если они в рамках нормативных показателей – аккредитовать³. Что мы выиграем в случае такого подхода – сэкономим средства, связанные с производством экспертиз, время экспертов (пусть занимаются своей непосредственной деятельностью, связанной с преподаванием и наукой). При таком подходе в данной сфере надзора можно забыть о коррупционной составляющей. Не надо ломать головы о количественных и качественных показателях, искать наполнение содержания последних, останется один объективный показатель.

Ну, а если серьезно, формальные критерии не должны быть основными при оценке качества подготовки специалистов. И как выше было показано на примере такого критерия как остепененность, он, как, в общем-то, и другие, не гарантирует качество подготовки. Как о содержательном критерии много говорится об интернет-экзамене, результаты которого могут привести к аттестации без выезда комиссии. Так относиться к результатам тестирования, когда в основном используются закрытые задания с выбором ответа можно только тогда, когда не понимаешь специфики гуманитарных наук. Можно конечно запускать тесты, с помощью которых будет проверяться знание того, как законодатель раскрывает, например, понятие «кража». Но зачем это нужно, когда профессиональный юрист не должен запоминать текст закона, это и невозможно и не нужно, кодекс всегда под рукой, он должен уметь работать с ним. Да и какие в этом случае проверяются знания? Память. Память важна, но это не главное. Да и проблем с памятью не будет, если в процессе обучения обучаемый достигнет понимания сущности проблемы. Как создать тест, например, по теории доказывания в уголовном процессе, когда там нет практически ни одного вопроса,

² Цифра три взята с «потолка», как и выше приведенное количество вузов которые должны остаться.

³ Может показаться, что сказанное здесь противоречит тому, что изложено выше. На самом деле никакого противоречия нет. Если юридический вуз нужен для развития региона, то из всех имеющихся нужно оставить тот, который ближе к указанному показателю, его стоит сохранить, а усилится он за счет преподавательского и студенческого контингента вузов, не прошедших это испытание.

который бы в науке не решался разными авторами по-разному? Любая попытка в этом случае приведет к тому, что если такой тест будет создан, то успешно с ним смогут работать только студенты преподавателя, создавшего тест. Гуманитарные науки – это не точные, не естественные науки. Здесь результаты тестирования не могут рассматриваться как объективный показатель качества знания.

Для того чтобы оценить качество подготовки юриста, нужно очень точно определиться с тем, какие цели в процессе обучения должны быть достигнуты. Цели позволяют выделить те моменты, которые связаны с качеством исходного материала. Кризис фиксируется не только в сфере юридического образования, он, как и любой кризис в подготовке специалистов высшей школы, имеет своим основанием, в том числе и кризис средней школы. Качество выпускников средних школ в редких случаях соответствует потребностям сегодняшнего дня. Кроме того, существует широко распространенное заблуждение, что на юриста может выучиться каждый. Далеко не каждый. Как нужны способности для освоения математики, физики и т.д., так необходимы они и при освоении юридических дисциплин. Не следует и забывать, что юрист – представитель творческой профессии, который не должен по одному шаблону решать возникающие в работе ситуации. Жизнь сложнее всякой схемы, каждый раз приходится решать проблему с учетом многих факторов, которые от дела к делу не повторяются. Кто на это обращает внимание? Не способен к точным наукам – родители, запишут в юридический вуз. Профессия все еще пока пользуется популярностью.

Следует на входе, при поступлении абитуриента в вуз, использовать методики, позволяющие выявить его профпригодность. Если в вузе они используются, следует засчитывать это в актив вуза. Вырасти зерно может только на подготовленной почве, на камне оно засохнет, сколько ты его не поливай. Считается нормальным, например, когда с математического факультета отчисляется много студентов. Так же это должно быть нормально и в отношении юридического факультета. Высокий процент отчисления не должен ставиться в минус, а в плюс. Причем бюджетное финансирование не должно сокращаться в соответствии с процентом отчисления. Эти деньги как раз позволяют лучше готовить «штучный товар» – квалифицированного юриста. Повышение требовательности к обучающемуся еще никогда не шло во вред обучению. Он сам должен принять ответственность за свою судьбу. Преподаватель может только помочь молодому человеку стать специалистом, при одном условии – если тот сам этого хочет и прилагает усилия к этому.

Выше было сказано о важности четкого определения целей, которые должны быть реализованы в сфере юридического образования. В соответствии с государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования по специальности юриспруденция, юрист

должен не только владеть определёнными знаниями и навыками, но и приобрести определённые нравственные качества и ценности. Последняя задача является важной в силу реальной потребности общества и государства в юристах, в своей деятельности опирающихся на принципы права и нравственности, обладающих высоким уровнем правосознания и правовой культуры. В настоящее время можно с уверенностью утверждать, что эта задача не реализуется в полной мере, так как существующие условия не направлены на воспитание у юристов указанных ценностей и качеств. Ну а как с другими?

До сих пор остаётся неясным, какими знаниями, компетенциями и качествами должен обладать выпускник юридического вуза. Нет единства мнений в отношении того, должен ли выпускник быть узким специалистом в какой-то области, либо это должен быть юрист, обладающий универсальными базовыми знаниями, компетенциями и качествами, позволяющими ему выполнять свои функции в различных юридических сферах деятельности. Прежде всего, в данной ситуации следует хотя бы обрисовать контур того специалиста с юридическим образованием, который бы отвечал потребностям сегодняшнего дня.

Изменения, происходящие в последнее десятилетие в технологиях производства, экономических и социальных отношениях, обусловили качественно новые требования к кадровому ресурсу. Сегодня успешная профессиональная и социальная карьера невозможна без готовности овладевать новыми технологиями, адаптироваться к иным условиям труда, решать новые профессиональные задачи. Образование должно быть нацелено на формирование у выпускника готовности эффективно координировать свои внутренние и внешние ресурсы для принятия решений и достижения поставленной цели. Следовательно, в первую очередь при подготовке юриста упор должен быть сделан на самостоятельную работу, на выработку навыков решения нестандартных ситуаций, должно быть сформировано юридическое мышление.

Традиционное юридическое образование не направлено на формирование у студентов компетенций, необходимых юристу. Отсутствуют соответствующие условия для освоения студентами алгоритмов, схем и механизмов юридической деятельности. В лучшем случае студенты наизусть могут воспроизвести содержание нормы закона или теоретические взгляды на правовую проблему. Однако они не умеют применять эти знания в реальных юридических ситуациях. Все это результат применения устаревшей технологии, в основе которой заложена следующая последовательность аудиторных занятий: лекция – семинар. Эта схема – оковы для организации проблемного обучения. Успешным здесь является тот студент, который более полно взял информацию от преподавателя на лекции, воспроизвел на семинаре, а на экзамене возвратил лектору. Считается, что он получил необходимые знания. На

самом деле он был временным хранителем информации, которую получил от преподавателя. Все мы, так или иначе, прошли через это. И возможно, после экзамена ощущали облегчение и чувство освобождения, которое являлось индикатором того, что голова пуста и готова к новой загрузке информацией. Настоящее знание – это понимание сущности изучаемых явлений, которое сформировалось в процессе решения проблемы. Этому может способствовать иная, чем принято, последовательность лекций и семинаров. Вначале проводятся семинары по темам рабочей программы, а затем – лекции. Подобная схема гораздо лучше приспособлена для выработки у студентов понимания тех проблем, которые обсуждаются, например, в теории уголовного процесса, чем традиционная (лекции – семинары) и в целом предоставляет возможность конструирования системного представления о сущности уголовно-процессуальной деятельности.

Основной упор в данном случае делается на самостоятельную работу студента. Зная тему семинара и рекомендованную к ней литературу, он нарабатывает собственное решение тех или иных вопросов. В рамках семинарского занятия формируются группы, где каждый из студентов имеет возможность проверить на прочность решение, с которым он пришел на занятие. В итоге вырабатывается коллективное решение, которое предлагается каждой группой на обсуждение. В полемике обсуждаются решения всех групп, и находится наиболее приемлемое. Зачастую, результаты работы групп схематизируются. Это облегчает работу на понимание. Основная роль преподавателя на таком семинаре – указать на методологические недочеты, которые были допущены при выработке решения, и оценить с этих позиций полученный результат.

Даже в рамках такого подхода не всегда и не всем студентам удастся присвоить изучаемый материал. Для завершения работы над этим и служат лекции. Хотя то, что там происходит, нельзя в традиционном смысле назвать лекциями. На лекцию приходят студенты, у которых семинарские занятия вели разные преподаватели, что неизбежно влечет за собой различные нюансы в решении одних и тех же вопросов. Задача лектора, используя различный материал, с которым пришли студенты, выработать общее понимание. В начале лекции студентам предлагается обозначить проблемы, с которыми они пришли и сформулировать вопросы, которые они хотели бы обсудить вместе с преподавателем. По заранее написанному тексту такую лекцию не прочитаешь. Да и читать здесь ничего невозможно. Портфель заказов на лекцию формируют студенты. Их заинтересованность в решении тех или иных проблем – основание для деятельного участия в совместной работе с преподавателем.

Реализация такого подхода позволяет пересмотреть вопрос о том, сколько лекционных часов нужно в сторону их уменьшения, так как отпадает необходимость в объяснении прописных истин.

Следует пересмотреть и отношение к экзамену. Покажу это на примере курса «Уголовный процесс». Суть традиционного устного экзамена, как было показано выше – в возвращении преподавателю той информации, которую студенты получили от него. По курсу «Уголовный процесс» в нашем институте давно уже введен письменный экзамен, который является завершением той логики, что задана для проведения семинарских и лекционных занятий. Вопросов на этот экзамен выносятся не более 35. Причем все они студентам заранее известны. Ответ на каждый вопрос предполагает необходимость усвоения материала всего курса. Например, ответ на вопрос «Реализация принципа непосредственности исследования доказательств в отдельных стадиях уголовного процесса» ставит перед студентом задачу раскрыть понятие «принципа уголовного процесса», а сделать это невозможно без понимания сущности уголовного процесса. Затем он должен раскрыть содержание принципа непосредственности и показать, как действует этот принцип на разных стадиях. В этом случае не обойтись без понимания специфики стадий.

Вторая часть экзамена – решение задачи. Здесь отслеживается то, насколько успешно студент может применять свои теоретические познания к практической ситуации. И еще один важный момент – студенты шифруют свои работы, и шифры хранятся у старост. Преподаватель не знает, чью работу он проверяет и это повышает объективность оценивания.

Еще раз хочу повторить исходную мысль, которая лежит в основе этой технологии: знание – это не просто набор информации, готовых решений, а понимание, которое формируется при решении проблемы, как результат собственного труда и усилий. Понять, может студент мыслить или нет, выявить качество подготовки в этом случае несложно. Достаточно взять и проанализировать тексты экзаменационных работ.

Выше приведен один из возможных способов изменения технологии подготовки. Возможны и другие.

В качестве важного показателя работы вуза следует рассматривать наличие у него юридической клиники. И этот критерий не может рассматриваться только как формальный. Важно проанализировать содержательную основу клинической деятельности в вузе, какими курсами она обеспечивается и как налажена работа самой клиники. Если студенты работают самостоятельно, вне контроля преподавателя – это не есть хорошо. Если преподаватель только консультант, не несущий никакой ответственности за результат – это лучше, но тоже плохо. Важна совместная работа по определенному материалу. Преподаватель выступает здесь в роли куратора. Подобная форма подготовки к практической деятельности не идет ни в какое сравнение с ролевыми играми, и другими формами подготовки. Здесь не игра, а реальное дело, судьбы конкретных людей. И если куратор грамотен и внимателен, он по

совместной работе со студентом может сказать не только об уровне его теоретической подготовки, об умении переводить теоретические знания в пласт практической деятельности, но и о его нравственной составляющей. По-моему, только эта форма позволяет выявить нравственную компоненту будущего юриста и дает уверенность, что знания получает человек, который не будет применять его во вред, а только на пользу другим.

Список литературы:

1. Марченко М.Н. Проблемы качества юридического образования в современной России / М.Н. Марченко // Аккредитация в образовании. - 2008. - № 23. - С. 10-11.